

Константин Сергеевич Аксаков

Три критические статьи г-на Имрек

Константин Аксаков

**Три критические
статьи г-на Имрек**

«Public Domain»

1847

Аксаков К. С.

Три критические статьи г-на Имрек / К. С. Аксаков — «Public Domain», 1847

«Всякий согласится, что можно сказать много вздорного, разбирая стихотворения Пушкина, и много дельного по случаю какой-нибудь поэмы г-на Майкова; и хотя бы сами произведения были уже давно забыты, но мысли, по поводу их высказанные – если они истинны и заключают в себе общий интерес – будут всегда современны. Москва никогда не гонялась за современностью внешнею и случайною...»

© Аксаков К. С., 1847

© Public Domain, 1847

Содержание

I. Вчера и сегодня.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Константин Сергеевич Аксаков

Три критические статьи г-на Имрек

Примеч. Три следующие разбора написаны были еще для первого тома «Моск<овского> сборника»¹ след<овательно> почти уже год тому назад. Относительно выхода книг, в них разобранных, они и тогда уже были не совсем современны; теперь и подавно. Но для нас эти критические статьи имеют важность не по достоинству и современности произведений в них разбираемых, а по мыслям, в них высказанным по поводу этих произведений. Всякий согласится, что можно сказать много вздорного, разбирая стихотворения Пушкина, и много дельного по случаю какой-нибудь поэмы г-на Майкова; и хотя бы сами произведения были уже давно забыты, но мысли, по поводу их высказанные – если они истинны и заключают в себе общий интерес – будут всегда современны. Москва никогда не гонялась за современностью внешнею и случайною. Мы почли однако ж нужным этими немногими словами оправдать помещение следующих критических статей, и, предупредив суждение читателей, обратить их внимание не на внешний их повод, а на внутреннее содержание.

Ред.

---

¹ Имеется в виду «Московский литературный и ученый сборник на 1846 год». М., 1846.

І. Вчера и сегодня.
Литературный сборник. Составленный гр.
В. А. Соллогубом, изданный А. Смирдыным.
Книга первая. Санкт-Петербург, 1845

В сборнике, как в голосе не одного человека, а нескольких, находится более или менее общее направление, общий голос; это хор, и потому, хотя один голос иногда и более заключает в себе существенного, но так как хор есть всегда выражение, по крайней мере, количественной стороны общества, хотя бы при отсутствии качественного значения, то он интересен и заслуживает внимания и разбора. Издатель сборника «Вчера и сегодня» гр. В. А. Соллогуб, имя известное в нашей литературе; тем интереснее эта книга. В ней по обыкновению есть проза и стихи; посмотрим сперва на прозу.

Первая прозаическая и вообще первая статья, с которой начинается сборник, это повесть князя Одоевского² «Сиротинка». В изумлении, более нежели в изумлении, были мы, прочитавши ее. Это повесть, в которой выводится, хотя слегка, народ. Сцена повести – деревня. Всегда с невольным, горьким чувством и с негодованием читаем мы такие повести, где изображается (будто бы изображается) наш народ; невыносимо тяжело и больно, когда какой-нибудь писатель, народу совершенно чуждый, совершенно от него оторванный, лицо отвлеченное, как все, что оторвано от народа, когда такой писатель, полный чувства своего мнимого превосходства, вдруг заговорит снисходительно о народе, могущественном хранителе жизненной великой тайны, во всей силе своей самобытности предстоящем пред нами, легко и весело с ним расставшимися. Писатель не трудится над тем, чтобы узнать, понять его; для него узнавать и понимать в нем нечего; ему стоит только снизойти написать о нем. Противно видеть, когда он, для вернейшего изображения, прибегает к народному, будто бы оттенку речи, к народным выражениям, дошедшим до его слуха чрез переднюю и гостиную. Такой умышленный маскарад, такая милостивая подделка, особенно когда пишут для народа, оскорбительна. В таком роде и повесть к. Одоевского, которая теперь перед нами; но, кроме этого рода, самая повесть не менее, если не более, заслуживает изумления. Вот в чем дело: бедную девочку, *сиротинку* Настю, какая-то боярыня увозит в *колымаге в Питер*. Чрез несколько лет Настя возвращается в деревню. *Питерское* воспитание сделало из Насти просто чудо; она уже одета не по-русски, не по-крестьянски. Мало того, что она необыкновенная рукодельница, она... она – совершенство. Вот она начала мало-помалу преобразовывать всю деревню, начиная сперва с мальчиков и девочек: она учит их всему; она говорит детям, что красть нехорошо и что бог это увидит. Неужто же такие слова новость для деревни; неужто же г. автор думает, что надо съездить в Питер, чтоб это узнать, что в деревнях воруют без всякого зазрения совести, а в городе не воруют? Далеко же простирается смелость мысли писателя! Настя вместо старинных сказок, которые рассказываются в народе, сказок, созданных всем его духом и воспитывающих глубоко и действительно детский возраст, рассказывает им *сказочки*, вовсе на них не похожие, сказочки, в которых есть прямая мораль, но в которых, можем сказать, нет ничего истинно нравственного, – и таким образом исправляет детей:

«Между тем дети притихли, – Настя обернулась к ним, ударив в ладоши, затянула песню, и все дети, став один за другим, принялись подтягивать ей всем хором и, ударяя в ладоши, мерным шагом ходили вокруг Насти, смеясь и ободряя друг друга, а за ними и Никитка туда же.

---

² Одоевский В. Ф.

Священник с удивлением смотрел на эту, необыкновенную в наших селах, картину»
(стр. 8).

Как необыкновенную? Необыкновенная картина, что дети в деревнях поют песни? Да выезжал ли уж, полно, из Питера г. автор?

Сам священник поражен Настей и расспрашивает ее, как она сделалась такою чудною девочкою? Кто ее научил всему доброму? Загадка разрешается: Настя рассказывает, что она воспитывалась в детском приюте. Между прочим, она говорит:

«В это время я будто начала просыпаться; стала понимать, что значит хорошо или худо делать, а всего больше – научилась молиться»
(стр. 11).

Потом Настя перешла в частную школу; оттуда она все почерпнула. Начав рассказ, она говорит:

«Признаюсь вам, батюшка, что деревня показалась мне совсем иною, чем прежде; не то, чтобы я возгордилась; но не могла я не спросить себя: отчего я умею и читать, и писать, и опрятно я одета, и могу себе хлеба кусок добыть, а другие, такие же, как я, из той же деревни, живут себе – так, а маленькие дети даже не знают, какой рукой перекреститься, правой или левой; и пришло мне на память прежнее мое житье в той же деревне, и как я тоже не знала, какой рукой перекреститься; и отчего я стала совсем иная?» (стр. 13).

Как! она не знала, какой рукой перекреститься маленькая и узнала об этом в Петербурге; указывает на это, как на выгоду своего воспитания там! Как! Так г. Одоевский думает, что у нас в деревнях не от кого узнать и никто не научит, какой рукой перекреститься, а для этого надо в Петербург ехать? Так г. Одоевский думает стало, что не только маленькие, но и народ не знает, какой рукой перекреститься? Как назвать это мнение? Как смотреть после этого на г. автора? Здесь уже нет места смеху; здесь... но, быть может, это дурно выражено, неясно. Хотя и далеко простирается фанатизм г. автора к тому, что все, все дается только школами бедному жалкому народу; но мы думаем, что г. автор не хотел высказать такого мнения, которое выходит из слов его.

Отец Андрей, священник, тронутый тем, что Настя преобразовывает и воспитывает в нравственном отношении все село и, следовательно, выполняет таким образом обязанности его, отцов и матерей, – предлагает ей особую свечелку у себя для продолжения ее поучений во время зимы. Пример Насти подействовал на самого священника, потому что жена его и он сам стали наставлять ребятишек. Наконец:

«Когда крестьяне узнали об этом, то уже стали сами посылать детей к Насте, а иные и сами приводили, да, приводя, останавливались и прислушивались и даже потихоньку плакали от умиления; *ино-место* и мужик забывал об елке в праздник, засматриваясь на потеху детей; и часто мать стыдила взрослого сына, показывая ему на маленьких. Скоро Настя при пособии матушки достигла до того, что не только лохмотья на ребятишек были защиты, но и сами матери, посмотрев раз, два на детей чистых, опрятных, уже стыдились водить их замарашками, да и сами, глядя на детей, сделались попорядочнее.»
(стр. 14).

...По воскресеньям дети па́рами ходили в церковь...

Па́рами! Это также немаловажная сторона совершенствования! Жаль, не сказано, что они ходили в ногу, тогда это еще было бы возвышеннее. Итак:

«По воскресеньям дети парами ходили в церковь, не кричали и не зевали по сторонам, как бывало, а тихо становились на клирос и подтягивали дьячку, а миряне, тронутые чистыми детскими голосами, молились усерднее прежнего»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.